

Последователь Сократа

Тигран Кеосаян: «В наше время очень легко стать

культовой фигурой» *Независимая - 2003 - 31 окт. - с. 13, 14*

Вероника Чернышева

Тигран Кеосаян родился в семье режиссера и сценариста Эдмонда Кеосаяна, снявшего знаковую для советских времен киноэпопею о Неуловимых мстителях. Детство Тиграна небеследно прошло на съемочной площадке «Короны Российской империи», а юность, разумеется, во ВГИКе. Оттуда он выпустился вместе с Федором Бондарчуком и Иваном Охлобыстиным.

Благополучно пройдя период клипмейкерства, Тигран был последователен и в ресторанный бизнес или еще куда не подался, а снял рождественскую сказку с Александром Збруевым «Бедная Саша», комедию о превратностях шоу-бизнеса «Ландыш серебристый», «Президент и его внучка», фильм о чеченской войне «Мужская работа».

Он знает, чего хочет, ироничен, резок. Говорит, что бывает груб, но если не прав, то от публичных извинений корона не падает. В общении прост. На интервью согласился сразу.

Тигран, расскажите, как вы оказались в проекте «Народный артист», чем вас привлекла эта идея и в чем там ваша роль?

— Привлекла? Да я бы так не стал говорить, просто подумал, что я там не помешаю, не из металлургии же пришел все-таки. А если серьезно, просто пригласили меня туда редкие на телевидении люди — продюсеры, режиссеры «Народного артиста» Сергей Кордо и Татьяна Дмитрикова. Мне было интересно посмотреть, как это организовано у людей, которые всегда поражали меня профессионализмом.

Да и потом, для меня это практически совпало с кастингом к мюзиклу «12 стульев», и большой разницы между тем, что я делал, и тем, что предстоит, я не видел. Любое сотрудничество, если оно взаимно интересно, чем-то обогащает.

— В жюри конкурса собрались люди, привыкшие по жизни твердо отстаивать свое мнение и заставлять других к нему прислушиваться. Как вы уживаетесь с Евгением Фридляндом и Ларисой Долиной, у вас часто возникают полярные мнения о том, что происходит?

— Прекрасно уживаемся, не знаю, как вы или как кто-то другой, но я привык и люблю во всем, что делаю, быть в орбите ярких, самобытных людей. Всегда интересно общаться с людьми, которые сами что-то собой представляют. Это как сообщающиеся сосуды: что-то отдаешь, что-то получаешь, даже если этого не ждешь. Особых трений не бывает, это абсолютно творческий процесс, мы же не икс в математической задаче ищем.

— Почему именно сейчас возникла мода фабриковать звезд или специально их разыскивать?

— Ну, это же просто ризлти-шоу, мода на них есть и будет, она возникла не сейчас... Другой вопрос, станут ли их участники действительно звездами. Я вам на 90 процентов отвечу, что нет, потому что талант нельзя вырастить в инкубаторе. Но это мое отдельно взятое мнение.

— Значит, все-таки вы смотрите на это со скепсисом?

— Упаси меня Господь! С надеждой, а не со скепсисом. Я мечтаю, чтобы моя позиция на этот счет изменилась, а иначе зачем я трачу время?

Тигран Кеосаян не любит экспериментов.

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

— Можете вспомнить самое яркое детское впечатление, связанное с отцом?

— Нет. Их было много, а заготовок из воспоминаний я, к счастью, не держу. Это было что-то бурное, стремительное, дружелюбное, резкое.

— Какие качества вы от него унаследовали?

— Смею надеяться, что профессионализм. Вообще это надо спрашивать у друзей отца, у людей, с ним работавших. Ну а мне рассуждать об этом — глупо, некорректно, самонадеянно.

— Отец влиял на ваш профессиональный выбор?

тому что кто как не режиссер знает, что это за труд. Спросите меня, хочу ли я, чтоб мой ребенок был режиссером, я отвечу — нет.

— А актрисой?

— Не знаю... Пусть будет тем, кем она захочет. А актриса — это изначально подчиненная профессия... Актер, актриса. Да актерская сущность — это вообще очень подлая сущность. Знаете, это как на улице, в драке: не нравится тебе что-то — лезешь и бьешь. А тут не можешь этого делать по определению. Или принимаешь правила игры безоговорочно, или ты ломаешь себя

Никогда не подходил и не спрашивал: «Пап, а это зачем, а это?..» Но, наверное, что-то впитывал. Когда я повзрослел уже, он часто говорил мне, что кино — это странный вид искусства, если вообще может называться искусством. Если художнику нечем рисовать, он вытащит уголь из кофра и напишет что-то гениальное, если у писателя нет бумаги, он использует стену и напишет что-то гениальное, если его не понимают, он напишет в стол. А кино снять просто для себя нельзя — это пленка, целлулоид, огромное количество самых разных людей, даже в театре не все так сложно — там есть труппа, люди, которые чем-то уже крепко связаны. А здесь все не так: сегодня вырубил свет — и нет твоего кино. Запил дядя Вася — результат тот же. Но когда ты сказал «мотор», мера ответственности снимается со всех. Вина всегда только режиссер.

— Когда вы занялись режиссурой профессионально, вы все-таки доказывали что-то себе или окружающим?

— Сначала окружающим, а потом себе — это абсолютно нормальная форма существования амбициозных людей.

— Вы амбициозны?

— Да, конечно, я считаю: амбиции, честолюбие (но не тщесла-

вие) — это главный двигающий момент прогресса, цивилизации, побед и катастроф тоже. Да вообще всего, чего угодно, без этого — никуда, ничего не добьешься — вот и все.

— А был момент, когда вы сами для себя уяснили, что фамилию Кеосаян в своей профессии уже не уроните?

— Да не было такого момента. И быть не может. Ну о чем вы говорите! Я вообще завидую и сочувствую людям, которые когда-то успокаиваются, считают, что они кого-то схватили за бороду. Это всегда путь, идешь долго к чему-то, работаешь, придумываешь, а потом одним шагом можно все разрушить.

— Вы снимали клипы, потом кино, потом занялись продюсированием мюзикла. У вас есть награды — «ТЭФИ», призы фестивалей «Кинотавр», «Окно в Европу». Амбиции в большом кино еще остались?

— Да, конечно. (Смеется.) Много наград не бывает. А мюзикл... мне этого действительно хотелось, я люблю этот жанр. Это тоже амбиции, желание претворить какие-то идеи на достаточно сложном литературном материале. Но это никоим образом не отменяет профессии. Уж такое дело режиссура.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 15

Никогда не окружаю себя теми, кто будет смотреть мне в рот

— Только самим фактом своего существования. Я выбрал профессию уже потому, что родился в этой семье. Мама актриса, папа — режиссер. Хотя старший брат, например, не пошел в режиссуру, родители этого не очень хотели... да и меня, собственно, не хотели видеть режиссером. По-

и соглашаешься. Мне всегда казалось, что для психики это бесследно не проходит.

— Ваш отец был к вам строг?

— Предельно. Но всегда справедлив. Он никогда ничему не учил меня, хотя я с малолетства торчал у него на съемках. Я уважал отца и даже немного побаивался.

Последователь Сократа

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

Тут нет табуированных путей: туда ходи, а туда не ходи. У нас вообще такое время сейчас хорошее: ты можешь выбирать, особенно если ты востребован. (*Улыбается, стучит по столу трижды.*) Слава Богу, востребован пока и могу выбирать.

— А к клипам вернетесь?

— Не думаю. Мы с братом вышли из индустрии в 1996 году, когда деньги за этот вид работы стали придаточны. Топтаться на месте, если есть возможность делать что-то новое, опять же не позволяют амбиции. Честно говорю: мог бы себя еще долго тиражировать, и, может быть, это даже кому-нибудь нравилось бы, но меня это уже не устраивало. Знаете, у актеров всегда есть выбор — деньги или слава. Так вот, когда уже хочется славы и ты не голодаешь, надо понять, что и на другом поприще можно зарабатывать. А еще я реалист и в какой-то момент понял, что лучше клипа на песню Саруханова «Скрипка-Лиса» я, веро-

ятно, уже ничего не сниму. Я горжусь, что понял это вовремя. Ну а если мы не будем кокетничать, то меня греет и то, что музыкальное кино — именно не клип, а трехминутный фильм на песню — после меня никто не снимал.

— В кинематографе вам уютно?

— Да, это мой мир. Вообще на меня очень тяжело влиять какими-то общественными формами организации, но там есть люди, чьи похвалы, чья критика мне безумно ценны, — это Эльдар Александрович Рязанов, Георгий Николаевич Даниелян, Марк Анатольевич Захаров.

— В фильме «Ландыш серебристый» у вас заняты не драматические актеры. Вы любите экспериментировать?

— Я? Да вы что! Никогда и ни при каких обстоятельствах не экспериментирую. Всегда знаю, чего хочу и чего могу ожидать от человека. Я никогда в жизни не проводил кинопроб, только с детьми. А Надю

Михалкову для фильма «Президент и его внучка» сразу стал выпрашивать у Никиты Сергеевича. Едва не поссорился с ним. Он думал, что мне нужна фамилия, а я настаивал — что актриса.

— В дружбе вы требовательны?

— Да, не до болезненности, но больше, чем другие. Вообще, что такое друг, трудно определить. У Чехова есть прекрасный рассказ про человека, который круглые сутки соответствовал понятию «друг», а друг его зарезал в конце концов, потому что устал от такой дружбы. Дружба — это, наверное, взаимный комфорт, нежелание врать и готовность помочь. И еще должна быть внутренняя потребность быть полезным человеку. К сожалению, это такой тонкий ручеек, который иссыкает, если нет общих тем. Снимаешь кино, все друзья с тобой, всем нравится существовать в одном пространстве и времени. И тогда возникает такое: «Ах, как здорово, как классно! Так и идем

далее все вместе в следующий фильм». А потом берешь новый сценарий — ан нет, всем-то и не получится.

— Настоящий продюсер должен уметь что?

— Все. А вообще — не знаю. Он просто не должен быть от рождения неудачником. Должен знать, как угрожать, как общаться с авторами, сколько получает осветитель и кто

«Президента и его внучки», а потом спросил его: «Дядя Роланд, ну вот скажи мне, почему все такие тупые, ведь то, что я прошу, — это же так ясно», посадил меня и сказал: «Тигранчик, вся твоя проблема в том, что ты слишком быстро мыслишь, научись не требовать той же скорости мысли от всех окружающих. Это нереально». Да, на меня обижаются. Но

Я умею извиняться так же публично, как и ору

фальшивит в оркестре. Иметь связи во всех кругах. Его должны уважать, любить и бояться.

— Про вас говорят, что вы очень жесткий человек, это правда?

— Да вранье-е-е-е! Ну что значит — жесткий? Гениальный звукорежиссер Роланд Казарян, когда я поорал на кого-то в очередной раз на съемках

многие люди прощают резкость, потому что понимают, что я не памятник себе при жизни мастырю и не бабки собираюсь срубить по-легкому, а просто очень хочу сделать хорошую работу. Да и потом, я умею извиняться так же публично, как и ору.

— Чего вы себе никогда не позволяете?

— Не позволяю себе сомневаться в профессионализме людей, с которыми работаю, не позволяю не уважать их. Не могу прийти на площадку пьяным или не знающим, что я собираюсь сейчас делать. Со мной была гениальная история на моем дебютном фильме «Катя и Шиз» в 1991 году. Тогда я получил урок на всю жизнь. Я еще во ВГИКе учился. Съёмочных дней у полнометражной картины было, как обычно в ту пору, — 60. На сорочковой день снимали в Ленинграде, в порту. В кадре у меня много артистов великих — Армен Борисович Джигарханян, Отар Мегвинетохуцесия, да вообще людей достойных много собралось. Поставили камеру, я сказал: «Мотор!» И вдруг понял: я не знаю, что снимать, сцена распадается к такой-то матери. Тогда я потихоньку вызвал второго режиссера и попросил объявить обеденный перерыв в половине десятого утра, когда еще не все на съемки приехали. А сам ушел за дом. Сел и от бессилия

начал плакать. Представляете: сидит в ленинградском порту такая детина, ревет и думает, что просто дурак, идиот, это не моя вообще профессия, я не могу выстроить элементарную сцену. И вдруг вижу: идут себе, прогуливаясь, Армен Борисович и батона Отар, едят обед, который есть никто еще не хотел. Они, конечно, заметили, чем я занят, но благородно сделали вид, что не видят, как я сопли на кулак наматываю, и стали громко так рассуждать о чем-то абстрактном и, как бы между прочим, заговорили о том, куда бы они поставили камеру, да как бы и что они оттуда увидели. Как выяснилось в дальнейшем, ничего путного для съемок они не сказали, но этот их подход, слова что-то мне дали. Голова сразу же пришла в норму, и через три минуты я знал, как снять эту несчастную сцену. Я всегда им буду благодарен за этот урок человечности и профессионализма. К таким ситуациям, конечно, нельзя себя готовить. Но помнить на-

до, что ты не царь и не Бог и на съемках может быть все что угодно. И никто ни от чего не застрахован.

— Это была прививка от звездной болезни или вы ею не страдали?

— Ой нет, ну что вы, это меня миновало и, наверное, уже никогда не поразит. Меня, слава Богу, хорошо воспитывали папа, мама, брат, жизнь. В наше неглубокое время пересмешничества очень легко стать классиком, культовой фигурой. У Сократа на этот счет есть гениальные слова: «Я знаю, что я ничего не знаю». К этому нельзя относиться, как к просто иезуитской фразе. В нее надо вдуматься, запомнить и знать только то, что ты ничего не знаешь. И тогда ты всегда будешь нормально общаться с нормальными людьми, тебя не покинет самоирония. У тебя никогда не снесет башку ни от похвал, ни от наград, ни от рукоплесканий, ни тем более от восторженных визгов влюбленных девочек на форумах разнообразных сайтов. ■